

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.1>

UDC 811.161.1'373.6
LBC 81.411.2-03

Submitted: 09.09.2024
Accepted: 05.06.2025

PUNISHMENT FORMULAS
IN THE DECREES OF PETER THE GREAT (1714–1719)¹

Tatiana S. Sadova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article is devoted to structural and semantic description of stable combinations (formulas) with the meaning of “punishment” in the personal decrees of Peter the Great, created during the period of his productive lawmaking activity. It is obvious that official language, functionally aimed to serve state communication as a whole, is the first to experience any social changes and ideological shifts of the time. Therefore, official phraseology, in a broad sense recording the “typical” and “standard,” inevitably reflects the era it belongs to. In the context of crucial state restructuring that affected all spheres of Russian people’s life, a strong influence of Peter’s government initiatives on the language of official documents is observed. The repertoire of stable formulas nominating punishment in Peter’s decrees includes a number of combinations inherited from the command language of the 17th century (for example, *chinit’ nakazaniye* – to inflict punishment), but in most cases – with an increase in the semantics of its inevitability (*budet uchineno zhestokoye nakazaniye* – cruel punishment will be imposed). The decrees also contain formulas that record new phenomena that characterize the Peter the Great era: the imperial title of the Russian tsar, changes in the civil and military service, types of previously unknown “overseas” punishments (beating the spitz with a rut, sending to the galleys, taking a fine). Thus, a new phraseology for the official sphere of the Russian literary language of the 18th century was gradually formed.

Key words: official language of the 18th century, decree, punishment formula, lexical components of the formula, formula variants.

Citation. Sadova T.S. Punishment Formulas in the Decrees of Peter the Great (1714–1719). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 6, pp. 5-16. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.1>

УДК 811.161.1'373.6
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 09.09.2024
Дата принятия статьи: 05.06.2025

ФОРМУЛЫ НАКАЗАНИЯ В УКАЗАХ ПЕТРА I (1714–1719 гг.)¹

Татьяна Семеновна Садова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена структурно-семантическому описанию устойчивых сочетаний (формул) со значением «наказание» в именных указах Петра I, которые созданы в период его активной правотворческой деятельности. Деловой язык, функционально призванный обслуживать государственную коммуникацию в целом, первым испытывает на себе любые социальные изменения и идеологические сдвиги време-

ни, поэтому деловая фразеология, в широком смысле фиксирующая «типичное» и «стандартное», неизбежно отражает ту эпоху, в которой она возникает. Установлено, что в условиях коренного переустройства государства, затрагивающего все сферы жизни русского человека, наблюдается сильное влияние властных инициатив Петра на язык официального документа. Определен репертуар устойчивых формул наказания петровских указов, который включает ряд сочетаний, унаследованных из приказного языка XVII в., в большинстве случаев – с усилением семантики неотвратимости наказания. В указах представлены формулы, фиксирующие новые явления, характеризующие Петровскую эпоху: императорский титул русского царя, изменения в государственной и военной службе, виды ранее не известных русскому человеку «иноземных» наказаний. Таким образом постепенно в русском литературном языке XVIII в. формируется новая фразеология деловой сферы.

Ключевые слова: деловой язык XVIII в., указ, формула наказания, лексические компоненты формулы, варианты формулы.

Цитирование. Садова Т. С. Формулы наказания в указах Петра I (1714–1719 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 6. – С. 5–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.1>

Введение

В эпоху Петра I, когда количество исходящих из правительственной канцелярии деловых бумаг с каждым годом неустанно увеличивалось, возникла настоятельная потребность в стандартизации формуляра близких по функции документов, что, в свою очередь, привело к появлению репертуара устойчивых текстовых единиц (словосочетаний, предложно-падежных сочетаний и др.), то есть формул, в рамках одного документного жанра имеющих определенную прагматико-коммуникативную задачу. Так, в качестве обязательного структурного компонента указа или иного текста, содержащего «государев императив» [Гауч, 2013, с. 222], было обозначение (и перечисление) форм и видов наказания за неисполнение или недолжное исполнение указа. Специальные, стилистически маркированные формулы с общим значением ‘наказание’, отчасти заимствованные из приказного языка XVII в., отчасти складывающиеся в деловом языке Петровской эпохи, – предмет рассмотрения настоящей статьи.

Цель исследования – описание формул с указанной семантикой, свидетельствующих о поэтапном формировании «деловой фразеологии» нового времени.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили тексты именных указов Петра I, созданные в период 1714–1719 годов. Это время «много-

сторонней и творческой» правовой деятельности русского царя [Воскресенский, 2017, с. 112], строившего «государство-механизм» европейского типа на смену патриархальному «государству-семье» [Руднев, Садова, 2023, с. 27–28]. Большая часть этих указов составлена при непосредственном участии самого Петра, успешного к тому времени дважды посетившего Европу, изучившего множество образцов правительственных документов разных государств, послуживших затем основой в работе над созданием собственно российских правовых текстов [Епифанов, 1946, с. 7]. Известный историк права Н.А. Воскресенский, многие годы изучавший документный фонд Кабинета Петра Великого, отмечал: «В Кабинет <Его Императорского величества> стягивались иностранные источники, и здесь производилась подготовительная работа по заданиям и плану самого царя. Это была главнейшая лаборатория законодательной работы» [Воскресенский, 1945, с. 4].

В качестве сравнительного источника, свидетельствующего об эволюции деловой (государственной) речи в директивных документах XVIII в. относительно века предыдущего, привлекается текст «Соборного Уложения 1649 года» царя Алексея Михайловича (Уложение).

В работе использован ряд общелингвистических и междисциплинарных методов. Так, метод лингвопрагматического анализа документного текста помог вскрыть языковую специфику жанра указа в условиях петровских преобразований в государстве и, как следствие, в сфере деловой коммуникации, призван-

ной обслуживать эти поистине революционные преобразования.

Метод структурно-семантического анализа тематически связанных текстовых фрагментов позволил проследить «конкуренцию» разных по происхождению, бытованию и стилистической принадлежности устойчивых сочетаний, в известной степени фиксирующую процесс «поиска» и становления столь необходимого для русского литературного языка новой эпохи среднего («посредственного») стиля. Как отмечает В.В. Колесов, «в употреблении языка <в начале XVIII в.> еще нет авторитетов, средний стиль еще только ютится в зазоре между русизмами и церковнославянизмами, да и вообще не ясно, что значит этот “посредственный стиль”» [Колесов, 2013, с. 14].

Традиционный метод лексико-семантического анализа применялся при наблюдении за эволюцией значения слова, вовлеченного в компонентный состав устойчивой единицы (формулы), в сравнении с его изолированным значением. Анализ лексикографических источников позволил уточнить семантику того или иного употребления лексической единицы, в том числе заимствованной, выступающей в качестве компонента «состоявшегося» делового фразеологизма в петровских указах рассматриваемого периода.

Результаты и обсуждение

Текстовый фрагмент, включающий описание форм наказания за неисполнение (или недолжное исполнение) царского повеления, чаще всего находился в конце указа, представляя собой устойчивый компонент структуры этого директивного жанра. Перечень видов наказаний во многом зависел от темы указа и его адресата.

Если указ издавался во *всеобщее ведение, в народ* и адресат обозначался обобщенно, например, устойчивыми сочетаниями *всяких чинов люди, какого звания ни есть, всякий преслушник указу* и т. п., то и формы выражения «царского гнева» были оформлены весьма неопределенно и общь, чаще всего – устойчивым сочетанием *жестокое наказание*:

(1) На таких противниках **будет взят штраф большой, да им же учинено будет жестокое нака-**

зание (КЕИВУ, 1714–1719, с. 42); А Его Величеству о том не докучать **под жестоким наказанием** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 308).

Примечательно, что сочетание *жестокое наказание* использовалось и в правовых документах XVII в., но чрезвычайно редко. Так, в Соборном уложении 1649 г. встречаем единичные его употребления:

(2) И **учиня** им **жестокое наказание**, бив кнутом не щадно, отдати тем, чьи они люди и крестьяне (Уложение, с. 6); А воеводам и приказным людям, которые на них отпишут к государю ложно, за то **чинити жестокое наказание**, что Государь укажет (Уложение, с. 10).

В Уложении чаще используется сочетание (*у-*)**чинить наказание** без эпитета *жестокий*, но с обязательным уточнением содержания наказания или отсылкой к решению государя:

(3) За ту вину **учинити наказание, бити батоги и вскинути на неделю в тюрьму** (Уложение, с. 6); **Наказание учинити**, что **Государь укажет** (Уложение, с. 7); За то **чинить наказание, бити кнутом нещадно** (Уложение, с. 11).

В указах Петра старая формула (*у-*)**чинить наказание** используется, как уже отмечалось, преимущественно с расширением компонентного состава – включенным эпитетом *жестокий*:

(4) Прикащикам и старостам и крестьянам **чинить жестокое наказание** <...> дабы впредь они о приеме беглых от помещиков своих повелений не слушали (ПСЗРИ, т. 6, с. 360); Старостам и выборным и десятским **чинить жестокое наказание**, бить кнутом (ПСЗРИ, т. 6, с. 360); Всем беглым при отдаче **чинить жестокое наказание** (ПСЗРИ, т. 6, с. 361).

«Словарь Академии Российской» в качестве основного значения прилагательного *жестокий* фиксирует следующее – «нечувствующий жалости, безжалостный, жестокосердный» (САР, т. 2, стб. 1114), что соответствует современному толкованию этого слова: «Жестокий – крайне суровый, безжалостный, беспощадный» (Ожегов, с. 195).

Наречие *жесток* в значении «весьма, очень» (САР, т. 2, стб. 1116) использовалось для выражения семантики «чрезвычайности» грядущего наказания, даже в случаях, когда речь шла только о денежном взыскании:

(5) А ежели у кого с таким подбоем явятся сапоги, или башмаки, и те **жестоко будут оштрафованы** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 117); А буде кто станет такие суды вновь строить, и те люди <...> **оштрафованы будут жестоко** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 119); Чтоб из гарнизонов не худых давали <людей> **под жестоким штрафом** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 153).

Очевидно, что формулы о жестоком наказании (в разных лексических и грамматических вариантах), которые далее в тексте содержательно не уточняются, предполагают самый широкий спектр «юридических последствий», разумеется, всецело зависящих от решения государя. В этом отношении их можно считать синонимичными формуле *как (что) Государь укажет*, весьма частотной в Уложении, но в петровских указах не использующейся вовсе:

(6) А кто вновь сему указу противен явится, и те, как явные преступники, **с жестокостию наказаны будут** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 60); Вышереченные писцы яко преступники **наказаны будут жестоким наказанием** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 70); Те люди за преслушание сего указу **жестоко будут наказаны** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 110); И те люди взяты будут в Санкт-петербурхе, и по розыску **жестоко наказаны будут** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 202); А ежели кто противно сему указу дерзнет какое письмо подать <...> и такая, яко преступники указов, **жестоко будут наказаны** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 212).

Неоднократно отмечалось, что «в деловом языке XVI–XVII вв. основным средством выражения императивности был инфинитив» [Руднев, Пушкарева, 2021, с. 39], поэтому активное использование устойчивой инфинитивной формулы *(у-)чинить наказание* в Уложении царя Алексея Михайловича вполне ожидаемо, где она – при самом общем выражении семантики наказания – практически не имеет вариантов или каких-либо синонимичных замен.

В указах Петра (по существу) это же сочетание, выступая в предикативной функции, чаще предстает в несколько ином грамматическом виде – с использованием глагола-связки будущего времени *будет* и страдательной формы краткого причастия *учинен(-о)*, причем, что показательно, – преимущественно от глагола совершенного вида *учинить*. Эта предикативная структура в рамках жанра имен-

ного царского указа реализует важное прагматическое значение – неотвратимость наказания как за уже содеянное, так и за только замысливаемое преступление, которое осознается как преступление непосредственно и лично против государя:

(7) На таких противниках будет взят штраф большой, да им же **учинено будет жестокое наказание** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 42); Таким человеком **учинено будет жестокое наказание**. А имение их движимое и недвижимое взято будет на Его Императорского Величества (КЕИВУ, 1714–1719, с. 105).

Глагол *(у-)чинить*, как чрезвычайно частотный в приказном языке XVII в., особенно в составе формулы «чинить + сущ. в вин. пад.» (*чинить казнь / смерть / наказание / наказ / розыск / обиду* и др.) [Никитин, 2004, с. 159], в указах Петра I явно теряет свою активность в качестве компонента этой устойчивой структуры. Он по-прежнему используется в формулах рассматриваемой семантики, но значительно реже, чем в деловом языке XVII в., при этом в указных текстах 1714–1719 гг. – преимущественно в сочетании с существительными *наказание* и *казнь*:

(8) Преслушников указу, которые дубовой лес рубили <...> и тех самих вырезав ноздри и **учини наказание**, посылать в катаржную работу (КЕИВУ, 1714–1719, с. 117); За оное преступление **чинить смертные казни** или вечная ссылка на галеру (ПСЗРИ, т. 6, с. 244); Беглым драгуном, солдатом, рекрутом, матрозам **учинена будет смертная казнь** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 100).

В указах более позднего времени активность этого глагола в составе конструкций «*учинить* + сущ. вин. пад. (*уговор / суд / наказание / должное / обиду / препятствие* и др.)» вновь увеличивается, сочетаемость возможности его как «вспомогательного глагола в составе составного именного сказуемого» [Груздева, Кузьмина, 2009, с. 37] – решительно повышаются.

Представляется, что инфинитив *учинить* в значении ‘определить, назначить’ (Срезневский, т. 3, кн. 2, стб. 1337) в составе формулы *учинить наказание*, менее категоричен в выражении неизбежности и строгости царского наказания, потому, возможно, страдательная форма причастия прошедше-

го времени *наказан* в предикативной конструкции с «неотвратимым будущим» (*будет жестоко / с жестокостью наказан*) все чаще используется в петровских указах как прагматически более предпочтительная замена старой предикативной формулы «*чинить* + сущ. вин. пад.»:

(9) А кто сему указу противен явится, и те **как явные преступники с жестокостию наказаны будут** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 60); Те челобитчики також вышереченные писцы **яко преступники наказаны будут жестоким наказанием** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 70); Те люди, **яко преступники, жестоко будут наказаны** с разорением движимых и недвижимых их имений (КЕИВУ, 1714–1719, с. 76).

Характерно также и то, что в таких случаях часто используется «сравнительно-отождествляющая» конструкция – *яко / как преступник*, призванная «юридически» квалифицировать человека, приравнять его, осмелившегося воспротивиться царскому указу, к явным преступникам. Ту же функцию отождествления *преслушников указа и преступников* выполняет редкая формула *с преступниками равно (будут) наказаны*:

(10) Также и надзиратели если по сему указу не будут исполнять, то **с преступниками равно будут наказаны** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 218).

В указах Петра 1714–1719 гг. вариантный репертуар формулы с общим значением ‘назначить жестокое наказание’ предстает как цепочка употребительных сочетаний, «конкурирующих» друг с другом, прежде всего, в выражении строгости и неотвратимости государственного наказания: *учинить жестокое наказание – учинено будет жестокое наказание – наказан будет жестоко / с жестокостью – наказан будет жестоким наказанием*. Почти каждая из этих конструкций имеет незначительные отличия, но ядерные лексические компоненты исходно одной формулы остаются неизменными. Высокая степень интенсификации семантики наказания в конечном итоге подчеркивается сочетанием однокорневых (глагольной и именной) лексем – *наказывать наказанием*, равно как в случаях крупного материального взыскания употребляется тавтологичное сочетание (*о-*)*штрафовать штрафом*:

(11) Те люди будут **оштрафованы** денежным **штрафом** и телесным наказанием (КЕИВУ, 1714–1719, с. 102); Такими ж **штрафами будут штрафованы**, как и беглые солдаты (ПСЗРИ, т. 6, с. 407).

Лексическое расширение формулы, а также уточнение ее содержания весьма показательны – список способов и видов «жестокото наказания» во многом завесел и от социального статуса провинившегося. Так, для крестьян, солдат, нищих, других представителей низкого сословия предполагались «привычные» формы экзекуции, унаследованные из судебного опыта XVII в. – *бить кнутом / батоги(-ами); казнить смертью; казнить / бить без пощады* и др.

Отметим при этом, что устойчивые сочетания с указанными лексическими компонентами употребляются в Уложении при описании царского (отеческого) гнева по отношению к людям самого разного социального статуса:

(12) Их **казнить смертью**, и вотчины и поместья их и животы взяти на Государя (Уложение, с. 4); Их за то **бити кнутом**, отдати тому, чей он человек (Уложение, с. 5); **Казнить смертью без всякия пощады** (Уложение, с. 5); И его **бити кнутом**, да у него же отняти поместье и отдати в роздачу (Уложение, с. 9); Дьяков **бити батоги**, а **подьячих кнутом** (Уложение, с. 19).

В петровских же указах формулы наказания иерархически более строго привязаны к социальному положению человека, преступившего государев указ. *Бить батоги(-ами) и кнутом* следовало, прежде всего, подлый народ, в то время как с имущих граждан нередко предписывалось *взять штраф* или отбирать в пользу казны и государя их *движимые и недвижимые имения*, в случае же грубых провинностей они могли быть *разорены и сосланы на каторгу*:

(13) На архиерейских приказных людех, **взят будет штраф** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 51); Те люди, яко преступники, **жестоко будут наказаны с разорением, движимых и недвижимых их имений** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 76); Купецкие люди, которые такие скобы и гвозди держать будут, **сосланы будут на каторгу**, а **имение их взято будет на Его Императорское Величество** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 117); А ежели кто станет строится не по указу, и не против чертежа, и тот лишен будет всего того, что построил, и сверх того **взято будет штрафу** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 118).

Примечательна эволюция весьма распространенного в Уложении сочетания *казнить смертью* до устойчивой формулы того же значения в текстах петровских указов – *смертная казнь*. Эпитет *смертная (казнь)*, как всякий эпитет, «призван выделить типичный признак предмета или явления» [Колесов, 2013, с. 15], а потому прилагательное *смертный* более, чем однокоренное существительное в творительном действии (*смертью*), фиксирует актуальное для текста значение ('лишение жизни'), содержащееся в слове *казнь*. В разное время обозначавшее и «'кару свыше', и 'суровое наказание как публичное осуждение преступника', и позорное 'наказание кнутом'» [Колесов, Колесова, Харитонов, 2014, с. 353], существительное *казнь* к XVIII в. демонстрирует явное «смещение объема понятия» в пользу признака 'лишение жизни' [Колесов, Колесова, Харитонов, 2014, с. 353]. Таким образом, сочетание *смертная казнь*, в котором прилагательное с актуальным для семантики предельного наказания признаком в соединении с существительным, это значение получившим в результате «смещения объема понятия», видимо, оказалось более востребованным, чем старая формула *казнить смертью*.

Подлый народ мог быть подвергнут невиданным для предыдущих времен формам царского наказания, например отправке на галеры², на каторжные работы в строящиеся заводы, а беглых или провинившихся солдат нередко предписывалось наказывать особой экзекуцией, заимствованной из практики европейских армий, – *бить шпиз рут*. В ряде случаев таким же образом наказывали покаявшихся убийц:

(14) Ежели рекрут, прежде года своей службы в полку побежит, то оно за первой побег **бить шпиз рут** чрез полк по три дни по разу (КЕИВУ, 1714–1719, с. 199); Которые смертные убийцы явятся сами, и в том вину принесут добровольно <...> **чинить им наказание, прогнав шрицрутен**, ссылать на каторгу (ПСЗРИ, т. 6, с. 368); А буде такие в другой ряд, или в третьи пойманы будут и таких **бив** на площади **кнудом посылать в каторжную работу**, а баб в **шпингоус**, а робят **бив батоги посылать на суконной двор**, и к протчим **манифактурам** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 271).

Царский чиновник из числа высокородных граждан или выдвинувшихся при Петре

новоявленных дворян, также мог быть подвергнут телесному наказанию и даже смерти, например, если подозревался (говоря современным языком) в коррупции.

Из Кабинета Петра исходило немало указов о взятках, казнокрадстве и других финансовых преступлениях («О счетах» от 22 января 1714 г., «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное» от 24 декабря 1714 г., «О обиде и взятках» от 11 июня 1715 г. и др.). Описание наказания за подобные преступления нередко включало в себя не только формулы со значением телесного или материального ущерба, но и прецедентные (для живой речи XVIII в.) номинации, обозначавшие 'публичный позор', например *шельмование*.

Для сановных людей, а также их семей, «помнящих славу отца своего и честь рода» (КЕИВУ, 1714–1719, с. 13), такое наказание имело тяжелые социальные последствия: «Ряд именных и сенатских указов связывали шельмование с "тяжелым чести нарушением". Позорное клеймо "ошельмованного" человек получал в результате оскорбительных для личностного и сословного достоинства ситуаций: пытки <...> или просто обнажения в публичном месте. <...> Эти люди оказывались как бы вне закона и общества» [Марасинова, 2017, с. 96–97].

(15) А кто дерзнет сие учинить, тот весьма жестоко на теле наказан, всего имени лишен, шельмован³, и из числа добрых людей извержен, или и смертию казнен будет (КЕИВУ, 1714–1719, с. 73).

Следует признать, что в текстах 1714–1719 гг. чрезвычайно редки такие многословные сочетания – с употреблением в качестве предикативных единиц целого ряда страдательных причастий, от слова к слову нагнетающих семантику наказания: *наказан – лишен – шельмован – извержен – казнен (смертью)*. Применительно к подобным ситуациям, а также в указах о беглых рекрутах (для описания последствий за их укрывательство) чаще используется устойчивое сочетание *лишение чина(-ов) и имени* – жесткая мера непозорного взыскания, применяемого к податному сословию, помещикам-дворянам и царским чиновникам, владеющим крестьянами. Эта формула весьма распространена в указах 1714–1719 гг., а устойчивость компонентного состава подтверждается почти дос-

ловным ее повторением из текста в текст в документах сходной семантики:

(16) Таковые **без всякого милосердия наказаны будут, лишением своего чина и всего имения** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 45); А буде кто, презрев <...> милосердные указы неявица и за кем такие беглые есть необъявят, таковые **без всякого милосердия наказаны будут, лишением своего чину, и всего имения** (КЕИВУ 1714–1719, с. 67); Таковыя **без всякого милосердия наказаны будут, лишением своего чина, и всего имения** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 100).

Со времен Петра I представители низкого сословия наказывались новым способом клеймения – вырыванием ноздрей, и прежде всего, за воровство, убийство, а также бегство от хозяина или, если речь шла о рекрутах, солдатах и матросах, за дезертирство.

Правда, этому же виду наказания могли быть подвергнуты и подданные высокого социального статуса, но за «исключительные» преступления – например, за бунт против власти, заговор против государя, за казнокрадство. О том был издан специальный указ Петра I от 5 февраля 1705 г. – «О нечинении смертной казни преступникам, кроме бунтовщиков и смертоубийц, о наказании их кнутом, о вырывании ноздрей у важнейших преступников и заклеянии прочих» (ПСЗРИ, т. 1, с. 286). С этого времени в указном языке петровской канцелярии формула *вырезать / вырвать ноздри* – с грамматическими вариантами глагола *вырезать (вырезав, вырезан)* и девербативом *вырезание* – весьма частотна:

(17) Когда в другой ряд побежит, или более году кто в службе оных в место смерти бить кнутом, и **вырезав нозри** перед полком, сослать в вечную работу на галеры (КЕИВУ, 1714–1719, с. 200); Преслушников указу, которые дубовой лес рубили <...> и тех самих **вырезав ноздри** и учини наказание, посылать в катаржную работу (КЕИВУ, 1714–1719, с. 217); Тех без всякой пощады повелено будет, бив кнутом, и **вырезав ноздри**, ссылат на вечную работу на каторги (ПСЗРИ, т. 6, с. 404).

С грамматической точки зрения интересна предложно-падежная структура (формула), унаследованная деловым языком Петровской эпохи из приказного языка XVII в., *взять / иметь на Государя* в значении ‘в пользу государя’, ‘в пользу государственной казны’. На-

казание это ожидало «провинившихся» из имущего сословия, что объяснимо: *вотчинами* и *поместьями* подлый люд не владел:

(18) Их казнити смертью, и вотчины и поместья их и животы **взяти на Государя** (Уложение, с. 4); Поместья его и вотчины и животы **взяти на Государя** (Уложение, с. 11).

В петровских указах устойчивая предложно-падежная структура *на Государя* показательна используется с несколько обновленным лексическим составом – прежде всего, с иными номинациями самодержца, соответствующими времени и обретенному Петром императорскому титулу.

(19) А **имение их движимое и недвижимое взято будет на Его Императорского Величества** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 105); Купецкие люди, которые такие скобы и гвозди держать будут, сосланы будут на каторгу, а **имение их взято будет на Его Императорское Величество** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 117); И такие товары где явятся у продажи **имать на Его Императорское Величество** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 125).

После указа «О единонаследии» (от 23 марта 1714 г.), *поместья* и *вотчины* также были переименованы, прежде всего, в связи с решительными преобразованиями Петра I в области земельного права. Указ провозгласил «ликвидацию различий между вотчиной и поместьем» [Черникова, 2018, с. 8], и старые правовые термины *поместье* и *вотчина* в значении наследных земель последовательно деактуализируются. На смену им приходит термин, понятийно заимствованный из европейских юридических систем, следующих принципам римского права. Как в тексте указа «О единонаследии», так и в последующих царских документах используется новое терминологическое сочетание *недвижимое имение*, представляющее собой соединение кальки с латинского *immobilis* (возможно, через «польское или украинско-белорусское посредничество» [Смирнов, 1910, с. 2]) и существительного *имение*, в истории русского языка накопившего многослойное содержание: «Имение – имущество, богатство, добыча, захват, мзда» (Срезневский, т. 1, кн. 2, стб. 1095); «Имение – пожитки, достаток, имущество, стяжание; состоящее в деньгах, в вещах, в землях» (САР, т. 3, стб. 294).

Примечательно, что в самом тексте этого указа дается толкование вновь вводимого термина: «**Всем не движимых вещей, то есть родовых, выслуженных и купленных вотчин и поместий, а также и дворов, и лавок** не продавать и не закладывать» (КЕИВУ, 1714–1719, с. 16). Заметим, что в этой глоссе используется максимально отвлеченный (для языка XVIII в. безусловно философский) термин *вещь*, означающий «все существующее в материальном мире, любой предмет окружающей действительности» (Словарь XVIII в., с. 100), в текстах указа последовательно замененный словом более предметного содержания, образованного от глагола *иметь* ('владеть') – *имение*. Для обозначения иной собственности, «противоположной» вотчинам и поместьям, но также подлежащей разделу между наследниками, возникает сочетание *движимое имение*, которое разъясняется в тексте указа с помощью подбора общеизвестных слов-синонимов: *пожитки, имущество, деньги*.

Правовая формула *движимое и недвижимое имение*, с незначительной лексической меной известная и современному юридическому языку, становится чрезвычайно частотной в языке петровской канцелярии. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что она регулярно используется в усеченном виде, без существительного, создавая условия для типичной в таких случаях субстантивации компонента-причастия:

(20) Ежели **недвижимое** будет всегда одному сыну, а прочим только **движимое**, то Государственные доходы будут справнее (КЕИВУ, 1714–1719, с. 15); А кто бездетен, и оный волен отдать **недвижимое** одному, фамилии своей, кому похощет (КЕИВУ, 1714–1719, с. 17); Муж замужней повинен принять прозвище того, от кого получит **недвижимое** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 21); Тогда **недвижимое** все повинно будет взять на Государя кроме **движимого** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 22).

Для обозначения определенного вида неминувшего наказания в указах 1714–1719 гг. все активнее используется устойчивая формула, представляющая собой предложно-падежную структуру «*под* + сущ. твор. пад.»: *под штрафом, под казнью, под смертным наказанием* и *под*.

(21) А худых не отдавать **под разорением и ссылкою на галеры** вечно (КЕИВУ, 1714–1719, с. 154); Чтoб впредь огнюдь того чинить не дерзали **под лишением всего имения** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 160); Дабы оной <купчина> иной прибыли [или корысти] ни явным ни тайным образом ни себе, ни Государю своему, **под смертным наказанием** не искал (КЕИВУ, 1714–1719, с. 183).

Очевидно, перед нами грамматическая калька устойчивой конструкции делового немецкого языка XVIII в.: «*bey Leibs- und Lebens-Straff verbieten, sancire poena capitis, под смертною казнию уставити, определити, закатити*» (Вейсман, с. 372). В русских деловых текстах XVIII в. она столь частотна по причине того, что способна кратко выразить содержание, которое обычно оформлялось (грамматически и лексически) более громоздко и многословно:

(22) Командующим смотреть на крепко, **под опасением взятъя немалого штрафа** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 229); А ежели кто станет строится не по указу, и не против чертежа, и **тот лишен будет всего того, что построил, и сверх того взято будет штрафу** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 118).

Обладая безусловным семантико-синтаксическим единством, при котором «предлог, выполняющий наряду с грамматической и семантическую функцию <...> и падеж взаимодополняют друг друга» [Медведев, 1983, с. 9], эта структура имеет все признаки, присущие фразеологическому сочетанию, в том числе по части наращивания синтагматических связей в разном контекстном окружении:

(23) Чтoб они таких беглецов, салдат и рекрут, и прочих пришлых людей, без всякаго свидетельства не принимали **под опасением смертной казни** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 106); А где помещиков нет <имать> у прикащиков и у старост скаски **под жестоким страхом, что им в тех кубах вино курить** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 145); У привесу заплатит достальные деньги всякому сполна, не удерживая ни копейки **под наказанием живота** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 181); Смотреть надзирателю Ивану Лангу, да бы исправно <...> против пробы те денги деланы были <...> **под опасением за то казни** (КЕИВУ, 1714–1719, с. 225).

В причудливом соединении старых приказных формул, новых устойчивых сочетаний, появившихся в деловой речи Петровской эпо-

хи в результате прямых заимствований, полного или частичного калькирования западноевропейских клишированных выражений, творческих решений работников царской канцелярии, формируется новая фразеология деловой речи русского литературного языка XVIII в., в полной мере отражающая время кардинальных преобразований российского государства.

Выводы

Рассматриваемый период (1714–1719 гг.) характеризуется чрезвычайной законотворческой активностью Петра I, при непосредственном участии которого изданы более ста указов по самым разным вопросам государственного строительства. Следует при этом учесть, что в течение почти двух лет (1716–1717 гг.) Петр был за границей: после Великого посольства 1697–1698 гг., он вновь предпринял путешествие в Западную Европу, на сей раз – во Францию. Для неполных трех лет создание такого значительного количества указов, распоряжений, иных документов – свидетельство системной и последовательной проработки царским Кабинетом правовых основ нового российского государства. Очевидно, что в содержании, устройстве, лексике деловых текстов этого времени нашли отражение многие из властных решений и масштабных идей российского самодержца, ориентированного на западноевропейский образ общественной жизни, «приближалось время заимствований» [Смирнов, 1910, с. 1].

Очевидно, что множественные заимствования, столь зримо присутствующие в деловых текстах Петровской эпохи (и лексические [Колосов, 1990], и грамматические, и жанровые), отнюдь не были слепым подражательством или копированием иноземной речи в ущерб русской, на что обращает особое внимание Н.А. Воскресенский, тщательно исследовавший документы петровской канцелярии [Воскресенский, 1945, с. 60]. Об этом свидетельствует предпринятое в нашей работе структурно-семантическое описание только одного типа текстовых фрагментов из указов начала XVIII в. – формул со значением «наказание». Часть из заимствований (например, грамматические модели предложно-падежных сочетаний типа *под смертью*, *под наказанием*, *в силу жестоких*

причин и т. п.) служили краткости текста, другие – вводили в деловую русскую речь термины-интернационализмы как свидетельство приобщения к западно-европейской цивилизации (*артикул*, *галера*, *рекрут*, *кадет*, *эверс* и др.), некоторые очень скоро вошли в русскую обиходную речь, став «словами повседневности» (*штраф*, *центр*, *шеф*).

При этом связь с приказным языком XVII в. не была разорвана, языковые факты предшествующего опыта составления царских распоряжений представлены в текстах петровских указов. Так, многие формулы наказания напрямую и почти без изменений заимствуются из Уложения 1649 г. (*учинить наказание*, *бить батогами*, *бить кнутом*, *казнить смертью*), инфинитивные структуры как форма выражения властного императива остаются весьма частотны. Общая установка на разговорную речь объединяет деловую речь XVII в. и язык Кабинета Петра I, который сам был приверженцем ясности документного слога и «понятности смысла всякого заводимого им новшества» [Смирнов, 1910, с. 17].

Многое в языке петровских указов было подчинено вполне практическим задачам, стоявшим перед властью в условиях масштабных преобразований общественной жизни страны. Одна из них – нахождение новых форм общения государя со своими подданными. Исследователями не однажды было замечено, что власть в эту эпоху «впервые демонстрирует развернутое идеологическое оправдание своих задач и своего призвания» [Сыромятников, 1945, с. XXXIII]. Это, в частности, выражается в том, что в тексты указов включается большое количество конструкций с функцией объяснения, обоснования причин царских распоряжений, в том числе – по части назначения того или иного наказания:

Показательно также, что инфинитивные конструкции со значением наказания (например, *учинить смертную казнь*, *наказать жестоко*, *класть штрафы* и т. п.) начинают постепенно уступать неимперативным структурам той же семантики, представляющим собой предикативные сочетания кратких страдательных причастий прошедшего времени и бытийных глаголов-связок будущего времени (*учинена будет казнь*, *наказан будет с жестокостью*, *взяты будут штрафы* и т. п.).

Новый деловой язык, стремясь найти «средний слог» для должной ясности, не мог отказаться от традиционных и проверенных временем языковых форм выражения царской воли. Поэтому, как уже отмечалось, инфинитивные конструкции в петровских указах сохраняются, но все же год от года уступают свое первенство другим грамматическим структурам, прагматически и функционально более оправданным.

Важно учитывать и то, что указ как директивный жанр, предметно координирующий взаимодействия власти и общества, нацелен, прежде всего, на предупреждение преступления, нежели на его констатацию как свершившегося факта. В этой «профилактической» прагматике в качестве выражения предикативного значения более мотивирована форма будущего времени смыслового глагола, поэтому в указах преобладают формулы с семантикой предупреждения возможного преступления и неизбежно последующего за ним наказания. Страдательные конструкции в этом отношении более уместны и функционально оправданны. Как следствие, петровские указы впервые в русской деловой практике обезличивают императивное действие, навязывая представление о неотвратимости наказания, как бы идущего не столько от Петра, сколько от «беспристрастного» закона. Такова идеология государства-механизма, ставшая для Петра I генеральной в задуманном им строительстве новой России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00325 «Печатные указы петровского времени как источник изучения русского языка XVIII века».

The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation as part of research project No. 24-28-00325 “Printed decrees of the Peter the Great era as a source for studying the Russian language of the 18th century.”

² Значение этого слова здесь отлично от общеизвестного значения, оно метонимическое по сути – само наказание: «Галера, нем. *galera*, речное судно; наказание преступников, состоящее в гребле на галерах» [Смирнов, 1910, с. 79].

³ Шельма, шельмовать – в САР отсутствуют. «Шельмовать – оглашать мерзавцем, мошенником,

обесчестить, поругать» (Даль, 2003, с. 628); «Шельма, пол. *szelma*, плут <...> Шельмовать, пол. *szelmować*» [Смирнов, 1910, с. 327–328].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Воскресенский Н. А., 1945. Законодательные акты Петра I. В 3 т. Т. 1. М. ; Л. : АН СССР. 664 с.
- Воскресенский Н. А., 2017. Петр I как законодатель. М. : Новое лит. обозрение. 640 с.
- Гауч О. Н., 2013. Жанровое своеобразие организационно-распорядительных документов деловой письменности XVIII века (на материале ТФГАТО) // Научный диалог. № 5 (17). С. 221–233.
- Груздева Е. В., Кузьмина Ю. Ю., 2009. Фазовые глаголы в современном русском языке (корпусное исследование) // Вестник Череповецкого государственного университета. № 3. С. 36–43.
- Епифанов П. П., 1946. Военно-уставное творчество Петра Великого // Военные уставы Петра Великого / под ред. Н. Л. Рубинштейна. М. : Изд-во гос. б-ки СССР. С. 5–42.
- Колесов В. В., 2013. Россия в XVIII веке // Язык и ментальность русского общества XVIII века / Д. Г. Демидов, В. Н. Калиновская, В. В. Колесов, О. А. Черепанова ; отв. ред. В. В. Колесов. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та. С. 3–17.
- Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А., 2014. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 1. СПб. : Златоуст. 592 с.
- Колосов Л. Ф., 1990. Новые заимствования в деловой письменности XVIII в. // Лексическая, словообразовательная и синтаксическая семантика. М. : МОПИ им. Н.К. Крупской. С. 37–43.
- Марасинова Е. Н., 2017. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века. М. : Новое лит. обозрение. 512 с.
- Медведев В. Б., 1983. Специфика предложно-падежных конструкций и падежей с пространственным значением (на материале русского и немецкого языков) : дис. ... канд. филол. наук. Казань. 251 с.
- Никитин О. В., 2004. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.) : Лингвистические очерки. М. : Наука : Флинта. 203 с.
- Руднев Д. В., Пушкарева Н. В., 2021. Регламенты петровского времени в аспекте императивности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. Т. 20, № 4. С. 36–49. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.3>
- Руднев Д. В., Садова Т. С., 2023. Метафора государства и способы ее выражения в русской деловой речи // Вестник Волгоградского го-

сударственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 4. С. 21–36. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.2>

Смирнов Н. А., 1910. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб. : Тип. Импер. Акад. наук. 399 с.

Сыромятников Б. И., 1945. От редактора // Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. В 3 т. Т. 1. М. ; Л. : АН СССР. С. XXXIII–XLIV.

Черникова Т. В., 2018. Парадоксы петровской европеизации // Новая и новейшая история. № 5. С. 3–22.

ИСТОЧНИКИ

КЕИВУ, 1714–1719 – Копии Его Императорского Величества указов, состоявшихся с 1714 по 1719 год. СПб. : Сенат. тип., 1724. 323 с.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 1–45. СПб. : Тип. 2-го отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. 1. 1029 с. ; Т. 6. 818 с.

Уложение – Соборное Уложение 1649 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 1–45. СПб. : Тип. 2-го отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. 1. 1029 с.

СЛОВАРИ

Вейсман – Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1731. 424 с.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М. : Рус. яз., 2003. 685 с.

Ожегов – Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1990. 917 с.

САР – Словарь Академии Российской. В 6 т. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1789–1794. Т. 2. 664 с. ; Т. 3. 761 с. ; Т. 6. 1068 с.

Словарь XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. В 22 вып. Л. ; СПб. : Наука, 1984–2019. Вып. 3. 1987. 299 с.

Срезневский – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3 т., 6 кн. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1893–1902. Т. 1, кн. 2. 381 с. ; Т. 3, кн. 2. 600 с.

REFERENCES

Voskresenskiy N.A., 1945. *Zakonodatelnye akty Petra I. V 3 t. T. 1* [Legislative Acts of Peter I. In 3 Vols. Vol. 1]. Moscow; Lenindrad, AN SSSR. 664 p.

Voskresenskiy N.A., 2017. *Petr I kak zakonodatel* [Peter I as a Legislator]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ. 640 p.

Gauch O.N., 2013. Zhanrovое svoeobrazie organizatsionno-rasporyaditelnykh dokumentov delovoy pismennosti XVIII veka (na materiale TFGATO) [Genre Originality of Organizational and Administrative Documents of Business Writing of the 18th Century (Based on the Material of the TFGATO)]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], no. 5 (17), pp. 221–233.

Gruzdeva E.V., Kuzmina Yu.Yu., 2009. Fazovye glagoly v sovremennom russkom yazyke (korpusnoe issledovaniye) [Phase Verbs in Modern Russian (Corpus Study)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], no. 3, pp. 36–43.

Epifanov P.P., 1946. Voenno-ustavnoe tvorchestvo Petra Velikogo [Military-Regulatory Creativity of Peter the Great]. Rubinshteyn N.L., ed. *Voyennyye ustavy Petra Velikogo* [Military Regulations of Peter the Great]. Moscow, Izd-vo gos. b-ki SSSR, pp. 5–42.

Kolesov V.V., 2013. Rossiya v XVIII veke [Russia in the 18th Century]. Demidov D.G., Kalinovskaya V.N., Kolesov V.V., Cherepanova O.A. *Yazyk i mentalnost russkogo obshchestva XVIII veka* [Language and Mentality of Russian Society in the 18th Century]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, pp. 3–17.

Kolesov V.V., Kolesova D.V., Kharitonov A.A., 2014. *Slovar russkoy mentalnosti. V 2 t. T. 1*. [Dictionary of Russian Mentality. In 2 Vols. Vol. 1]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ. 592 p.

Koloso L.F., 1990. Novye zaimstvovaniya v delovoy pismennosti XVIII v. [New Borrowings in Business Writing of the 18th Century]. *Leksicheskaya, slovoobrazovatel'naya i sintaksicheskaya semantika* [Lexical, Word-Formation and Syntactic Semantics]. Moscow, MOPI im. N.K. Krupskoy, pp. 37–43.

Marasinova E.N., 2017. «Zakon» i «grazhdanin» v Rossii vtoroy poloviny XVIII veka [“Law” and “Citizen” in Russia in the Second Half of the 18th Century]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ. 512 p.

Medvedev V.B., 1983. *Spetsifika predlozhno-padezhnykh konstruktsey i padezhey s prostranstvennym znacheniem (na material russkogo i nemetskogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk* [Specificity of Prepositional-Case Constructions and Cases with Spatial Meaning (Based on the Russian and German Languages). Cand. philol. sci. diss.]. Kazan. 251 p.

Nikitin O.V., 2004. *Delovaya pismennost v istorii russkogo yazyka (XI–XVIII vv.): Lingvisticheskie ocherki* [Business Writing in the History of the Russian Language (11th – 18th Centuries): Linguistic Essays]. Moscow, Nauka Publ., Flinta Publ. 203 p.

- Rudnev D.V., Pushkareva N.V., 2021. Reglamenti petrovskogo vremeni v aspekte imperativnosti [Regulations of Peter the Great in the Aspect of Imperativeness]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 4, pp. 36-49. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.3>
- Rudnev D.V., Sadova T.S., 2023. Metafora gosudarstva i sposoby ee vyrazheniya v russkoy delovoy rechi [The Metaphor of the State and Ways of Expressing It in Russian Official Speech]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 4, pp. 21-36. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.2>
- Smirnov N.A. 1910. *Zapadnoe vliyanie na russkiy yazyk v Petrovskuyu epokhu* [Western Influence on the Russian Language During the Peter the Great Era]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Akad. nauk, 399 p.
- Syromyatnikov B.I., 1945. Ot redaktora [From the Editor]. Voskresenskiy N.A. *Zakonodatelnye akty Petra I. V 3 t. T. 1* [Legislative Acts of Peter I. In 3 Vols. Vol. I]. Moscow; Lenindrad, AN SSSR, pp. XXXIII-XLIV.
- Chernikova T.V., 2018. Paradoksy petrovskoy evropeizatsii [Paradoxes of Peter the Great's Europeanization]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary History], no. 5, pp. 3-22.

SOURCES

- Kopii Yego Imperatorskogo Velichestva ukazov, sostoyavshikhsya s 1714 po 1719 god* [Copies of His Imperial Majesty's Decrees Issued from 1714 to 1719]. Saint Petersburg, Senat. tip., 1724. 323 p.
- Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobraniye pervoye: s 1649 po 12 dekabrya*

1825 goda. T. 1–45 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Part: From 1649 to December 12, 1825. Vols. 1–45]. Saint Petersburg, Tip. 2-go otd-niya Sobstv. Ye. I. V. Kantselyarii, 1830, vol. 1. 1029 p.; vol. 6. 818 p.

- Sobornoye Ulozheniye 1649 g. [Cathedral Code of 1649]. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobraniye pervoye: s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda. T. 1–45* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Part: From 1649 to December 12, 1825. Vols. 1–45]. Saint Petersburg, Tip. 2-go otd-niya Sobstv. Ye. I. V. Kantselyarii, 1830, vol. 1. 1029 p.

DICTIONARIES

- Veysman E. *Nemetsko-latinskiy i russkiy leksikon* [German-Latin and Russian Lexicon]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Akad. nauk, 1731. 424 p.
- Dal V.I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka. V 4 t. T. 4* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 Vols. Vol. 4]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 2003. 685 p.
- Ozhegov S.I. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1990. 917 p.
- Slovar Akademii Rossiyskoy. V 6 t.* [Dictionary of the Russian Academy. In 6 Vols.]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Acad. nauk, 1789–1794, vol. 2. 664 p.; vol. 3. 761 p.; vol. 6. 1068 p.
- Slovar russkogo yazyka XVIII veka. V 22 vyp.* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century. In 22 Iss.]. Leningrad, Saint Petersburg, Nauka Publ., 1984–2019, iss. 3, 1987. 299 p.
- Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka. V 3 t., 6 kn.* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language. In 3 Vols., 6 Books]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Akad. nauk, 1893–1902, vol. 1, book 2. 381 p.; vol. 3, book 2. 600 p.

Information About the Author

Tatiana S. Sadova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, tatsad_90@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6232-3433>

Информация об авторе

Татьяна Семеновна Садова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, tatsad_90@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6232-3433>